

Prix
France-Québec
2020

VLEEL
2020

Nature
Nomade
2021

Prix du Meilleur
Roman des lecteurs
et libraires Points

Мишель Жан

КУКУМУ

РОМАН

«Мишель Жан сумел сделать то, на что не способен ни один документальный фильм, репортаж или книга по истории: по-настоящему тронуть сердца людей»

La Presse

Мишель Жан

Кукум

Издательство "Livebook/Гаятри"

2019

УДК 82-3
ББК 84

Жан М.

Кукум / М. Жан — Издательство "Livebook/Гаятри" , 2019

ISBN 978-5-907428-87-4

Пронзительный роман о любви белой девушки и индейца инну, о жизни большой семьи на фоне исторических перемен. Как всех детей канадских поселенцев, Альманду учили держаться за свой надел земли и работать в поле. Но на берегу реки она встретила индейца, приплывшего на каноэ, и вольное кочевье поманило ее. Пятнадцатилетнюю Альманду не испугали охота, рыбалка, готовка на костре и переправы через бурные реки. Она училась читать облака, дубить шкуры, рожала детей. Жизнь семьи в лесу была невероятно счастливой, но идиллия продлилась недолго: прогресс пришел на земли индейцев и стал отнимать все, что дорого Альманде, одно за другим. Горький, но в то же время наполненный интимными интонациями и светом памяти роман о тех, кого долгое время предпочитали не замечать. В основе книги – история жизни кукум, прабабушки писателя.

УДК 82-3

ББК 84

ISBN 978-5-907428-87-4

© Жан М., 2019
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2019

Содержание

Нишк	7
Сиротка	10
Пекуаками	11
Индеец	12
Пуэнт-Блэ	17
Начало	19
Перибонка	20
Винчестер	21
Пилёу[2]	23
Опасные перевалы (пасс-данжерёз)	24
Территория инну	28
Силки	30
Колючки	33
Инну-эймун	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мишель Жан

Кукум

Памяти Франс Робертсон

*Ari nanitam ntshissentitaman anite uetuteian mihi reuatiiani
nuitakun e innuian kie eka nita tsh nakatikiian.*

*Во сне я не всегда помню, откуда я родом. Но сновидения
напоминают мне, кто я есть. Мои корни никогда не оставят меня.*

Джозефина БЭЖОН! «Палочки для письма»

Michel Jean

KUKUM

*Published in agreement with Groupe Librex, doing business under the name Éditions Libre
Expression, and SAS Lester Literary Agency & Associates. Translated from the French language
(Canada): Kukum First published by Libre Expression, Montréal, Canada.*

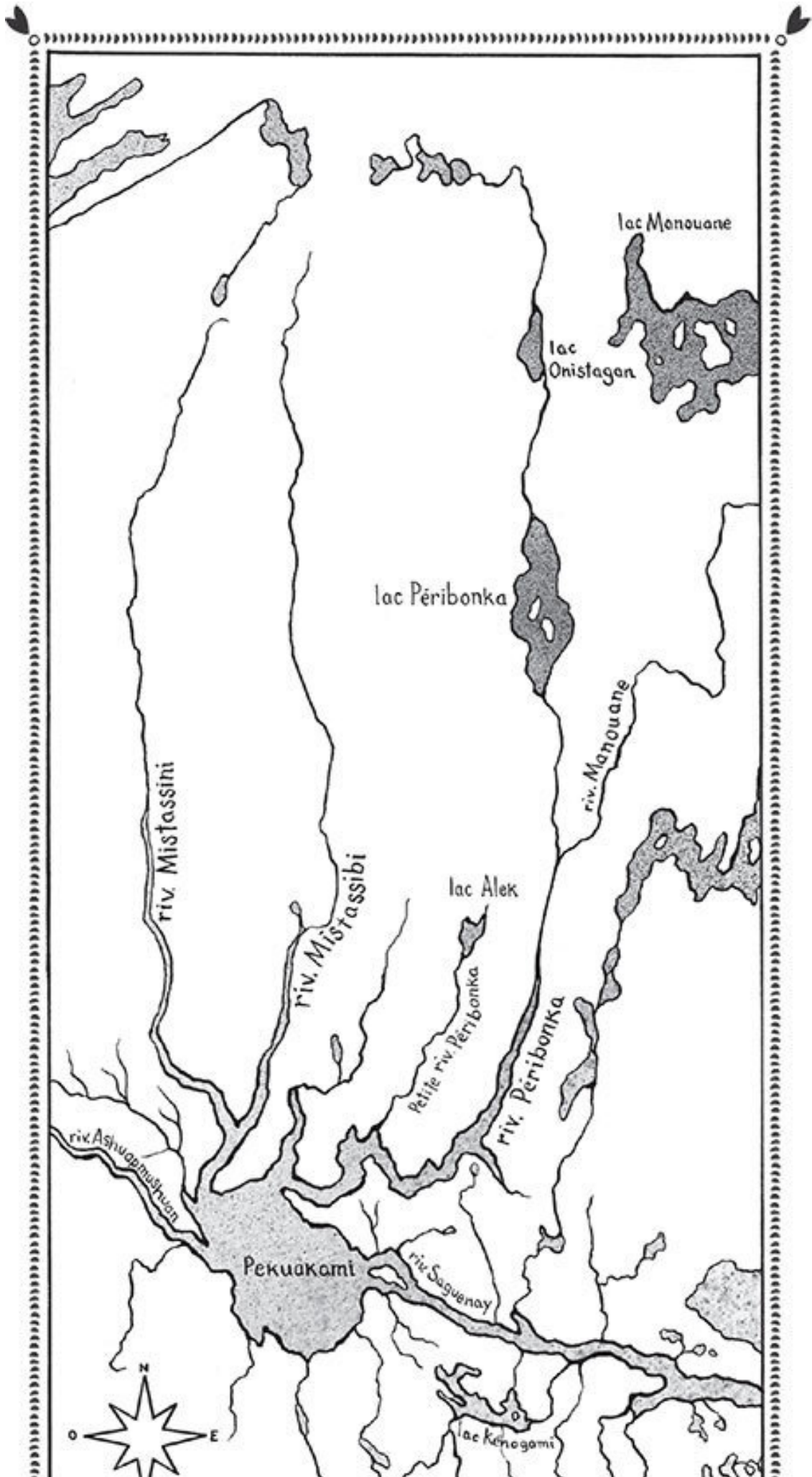
Иллюстрации внутри книги предоставлены автором.

Copyright © Michel Jean (Agence littéraire Patrick Leimgruber), 2019, Montréal, Canada

© Les Éditions Libre Expression, 2019, Montréal, Canada

© Дмитрий Савосин, перевод на русский язык, 2023

© Livebook Publishing LTD, 2023

Нишк

Море прямо посреди леса. Да самого горизонта – сплошная вода, серая или голубая, в зависимости от прихотей небесного света, испещренная ледяными течениями. Это озеро одновременно прекрасное и пугающее. Бескрайнее. Как и здешняя жизнь – в ней поровну хрупкости и пылкости.

Солнце встает из-за утреннего тумана, но песок еще пропитан ночной прохладой. Сколько времени я уже сижу вот так, глядя на озеро Пекуаками?

Тысячи темных пятен мелькают в волнах, словно дерзко отплясывают канкан. Лес – царство тайн и загадочного безмолвия. Здесь добыча соревнуется с хищниками – кто лучше сольется с окружающей средой. Однако ветер доносит гвалт перелетных птиц еще раньше, чем они появляются в небе, и ничто не может сдержать их неумолчные переключки.

Кажется, мои с Томасом воспоминания начинаются с этих казарок. Мы в пути уже три дня, гребем на северо-восток, стараясь не сильно отдаляться от безопасного побережья. Справа – вода. Слева – линия песка и вздымающиеся перед самым лесом скалы. Я путешествовала меж двух миров, словно в плену легкого опьянения, такого со мной еще никогда не бывало.

Когда солнце клонилось к закату, мы причаливали к бухте, защищенной от ветров. Томас разбивал лагерь. Я как могла помогала, закидывая его при этом кучей вопросов, а он в ответ лишь снисходительно улыбался. Со временем я поняла: чтобы чему-то научиться, необходимо просто смотреть и слушать. Спрашивать не имеет смысла.

В тот вечер он присел на корточки, положил себе на колени только что убитую им птицу, довольно жирную. Ощипал у нее перья, вырвав сперва самые крупные. Такая работа требует кропотливости, ибо если поспешить, то в мясе может остаться сломанный кусочек пера. Торопиться нельзя. Как часто бывает в лесу.

Очистив птицу от перьев, он подержал тушку над огнем, чтобы опалить. Потом лезвием ножа поскреб кожу, не повредив ни ее, ни драгоценный жирок. И наконец повесил казарку над огнем – жариваться.

7/4

Terioklav Pampelasta

T. Simeon

Взлет. Трафаретная печать. Томас Симеон

Я заварила чай, и мы поели, усевшись на песок лицом к черному озеру, раскинувшись под звездным небом. Я совершенно не могла себе представить, что ждет нас впереди, но именно в тот миг у меня появилась уверенность, что все пойдет хорошо и я поступила правильно, доверившись своему инстинкту.

Он едва говорил по-французски, а я на языке инну-эймун – и того меньше. Но в тот вечер на пляже, окутанная ароматами жареного мяса, я с высоты своих пятнадцати лет впервые в жизни почувствовала себя там, где должна и хочу быть.

Мне неизвестно, чем завершится история нашего народа. Но для меня она начинается там, с этого ужина между озером и лесом.

Сиротка

Я выросла в застойном мирке, где жизненный уклад определялся сменой времен года. Неторопливая жизнь, где все зависело от куска земли – его приходилось беспрерывно обрабатывать, не имея никакой передышки.

Мои самые ранние воспоминания связаны с хибаркой, в которой мы жили. Более чем скромный домишко колонистов, деревянный, квадратный, с двускатной крышей и единственным окошком на фасаде. Перед входом – песчаная тропинка. За домом – поле, отвоеванное у леса исключительно человеческими усилиями.

Почва там каменистая – и все же люди относятся к ней как к сокровищу, перекапывают ее, удобряют, очищают от камней. А она в ответ только и дает им, что безвкусные овощи, немного зерна и сена, чтобы накормить коров, дающих молоко. Будет урожай хорошим или нет, зависит в первую очередь от погоды. «Как уж там соблаговолят Небеса», – говаривал кюре. Будто у Боженьки нет других забот, кроме нас.

Я совершенно не помню своих родителей. Часто пыталась представить себе их лица... Отец высок, коренаст, решителен. Руки у него очень сильные. Мать блондинка с такими же голубыми глазами, как у меня. Черты лица тонкие, пылкая, с любящим сердцем. Разумеется, оба они жили исключительно в моем детском воображении. Кто ж теперь знает, на кого в самом деле походили мои предки? Да и какая теперь разница. Но мне нравится думать, что у них в душе жили сила и нежность.

А вырастили меня женщина и мужчина, которых я звала «тетенькой» и «дяденькой». Не знаю, насколько они меня любили, но точно обо мне заботились. Их давно уже нет на свете, и домик у самой речки Ля Шас сгорел. А вот земля, наоборот, осталась там же. Теперь на этом месте сплошь поля. И давно уже Пекуаками окружают фермерские участки. Поднимается ветер и лижет мое одряхлевшее лицо. Озеро вздувает свои воды. Я всего лишь старуха, которая зажилась на свете. О мое озеро, хотя бы с тобой они ничего не смогли сделать. Ты незыблемо.

Пекуаками

Свисток прорезает тепловатый воздух – пронзительный, нескончаемый.

С тех пор как по поселку стал ездить поезд, он завывает так, что от этого нигде не спрячешься – ни днем, ни ночью. Многие, кто уже не может охотиться, предаются пьянству. Порой люди падают и засыпают прямо на рельсах, из-за чего бывали несчастные случаи. С тех пор машинисты замедляют ход и включают сирену – чтобы инну успели убраться с путей и дали составу двигаться дальше.

А мне лучше этого и вовсе не знать. Я все смотрю и смотрю на озеро, на его волны, лижущие песок и с шепотом умирающие почти у моих ног. Сегодня утром ветер принес сюда моросящий дождик, который увлажняет мою кожу. Вот так мы и сливаемся в одно целое, Пекуаками, небо и я.

Почти век прожила я на его берегах. Знаю здесь каждую бухту и все речки – и те, что впадают, и те, что вытекают. Его песня громче скрежета железных коней, она смягчает унижение. А если ему и случится рассердиться – гнев его всегда быстро проходит.

Мы поклонялись ему, боялись его мощи, и никто не отваживался уходить далеко от берега, ибо ветер, налетавший без предупреждения, вполне мог потопить неосторожные шлюпки. А сейчас оно стало чем-то вроде игровой площадки, и люди развлекаются здесь на своих больших моторных лодках. Они осквернили его воду, уничтожив всех рыб. Они даже переплывают его, дали ему имя святого. Они непочтительно относятся к его величию.

И все-таки это единственное озеро в Нитассинане, которое невозможно охватить взглядом. Другой берег, как у океана, можно только вообразить. Я до сих пор прихожу сюда. Стоит мне сомкнуть веки, как появляется то, что древние называли Пелипаукау, река с живым движущимся песком. У ее устья вода кажется стоячей среди светлых песчаных отмелей – она течет так медленно, как будто ее утомило долгое сходжение с вершин гор Отиш.

В памяти воскресают образы моей первой встречи с рекой, и сердце мое заходится так же, как и почти сто лет назад. Всегда. Я опять вижу себя рядом с ним в той лодке. Мы бесшумно скользим по чистой поверхности вод. Я готовлюсь погрузиться в мир, о котором знаю только то, что он мне рассказал. Первые головокружительные впечатления самые сильные.

Он был совсем ненамного старше меня. Но взгляд светился мудростью и силой, покрывшими меня. Томас рассказывал о Перибонке очень скупно, но потом я оценила эту немногословность. Хотя временами его певучий голос казался дрожащим, я никогда не встречала столь уверенного в себе человека. Когда лодка выплыла на простор и моим глазам предстала Перибонка, у меня часто-часто забилося сердце.

Теперь они построили город, но в те времена тут лежали песчаные отмели до самого горизонта. Перибонка, как и Ашуапмушуам и Мистассини, открывала путь на север. Она привела нас к местам охоты семейства Симеон.

Тишина ее устья оказалась обманчивой. Вскоре воды разбухнут от волн, течение обретет стремительность, и на пути возникнут такие крутые спуски, что нам придется обходить их пешком. У этой реки много лиц.

В конце пути, по ту сторону гор, чьи вершины виднелись на горизонте, располагалось озеро с острыми берегами, как и описывал мне Томас. Когда тебе всего пятнадцать, мечтается легко. Но то, что мне предстояло увидеть, оказалось куда величественнее любой моей фантазии.

Индец

Дядя мой был из тех мужиков, которые изо дня в день встают до рассвета, съедают кусок лепешки, пьют обжигающий чай и выходят работать в поле. Приземистый, коренастый, с вечно озабоченным выражением лица. Огромные руки, усеянные пятнами от долгих часов работы под солнцем, свидетельствовали о жизни, прожитой в тяжком труде.

Тетенька моя заплетала уже седеющие волосы в пучок – ей казалось, что он придаст ей более достойный вид. Хрупкая, с изможденным лицом, выдававшим усталость, она была набожной и самоотверженно, без отдыха трудилась, ибо «Бог дал нам землю для того, чтобы мы о ней позаботились», – говорила она.

Жизнь на ферме походила на подвижничество. Земледельцы воображают, будто земля не дает им превратиться в дикарей. На самом деле она превращает их в своих рабов. И дети работают на ней как взрослые. Мне приходилось много заниматься хозяйством и до того, как я уходила в школу, и в конце дня. Мне нравилось ухаживать за коровами. Я разговаривала с ними, пока тянула за вымя, и мы прекрасно понимали друг друга. Летом я выводила их в поле – оно раскинулось до самой речки, а там, на севере, за вершинами холмов, угадывались очертания озера.

По воскресеньям мы ходили в церковь Сен-Прима. В те времена это было всего лишь дощатое строение с окнами с каждой стороны и посеребренной колоколенкой, зимой там впору было замерзнуть, а летом – задохнуться от жары. У нас не было дорогих костюмов, как у некоторых, но облачались мы в чистое из почтения к обиталищу Бога.

В школе мне ставили хорошие оценки, и тетеньке нравилось думать, что я стану учительницей. Но ни у нее, ни у дяди не было средств отправить меня учиться в педагогический институт. В любом случае я не могла представить, что добровольно запрошу себя вместе с бандой юнцов, за которых мне же и придется отвечать. В то же время я не хотела и выходить замуж за сына фермера из Сен-Прима и поднимать большое семейство на клочке каменистой земли. Будущее – что ж, я предпочитала не думать о нем вообще.

Деревня понемногу росла. Приезжали и обустроивались новые колонисты, привлеченные бесплатной раздачей земель, которые надо было распахивать. Прихожане поговаривали о том, что надо бы заменить маленькую церквушку на каменное здание, повнушительней и с головокружительно высокой колокольной, чтобы ее было видно издали. Мэр призывал к прогрессу.

Это слово у всех не сходило с уст. На деле же ничего особенного не происходило. Прибавление обитателей означало лишь одно – больше мужчин впрягалось в плуг, больше женщин вставало к очагу.

Бывало, по вечерам, закончив работу, я не могла отвести глаз от заходящего за лес солнца. Что там было, за деревьями? Кто жил по ту сторону большого озера? Отличался ли тот мир от моего? Или там такая же череда мрачных деревушек, как и здесь? Когда я возвращалась домой, тетенька принималась ворчать:

– Что ты так поздно вернулась, Альман-да? Ночами тут ходить опасно. Ты можешь нарваться на дикарей.

– Да что вы, тетенька. Здесь никого нет. И красть-то нечего. Да и бояться тоже.

В один из таких вечеров, когда я в предзакатном свете солнца доила коров, я впервые увидела его. Лето только начиналось, и теплый ветерок раскачивал высокие травы. Появилась лодка, она неслышно спускалась по реке Ля Шас. Мужчина, голый до пояса, с медно-коричневой кожей, не спеша греб, отдаваясь течению реки. Выглядел он ненамного старше меня, и со своего места я могла видеть, что на дне его берестяной лодки лежали пять казарок. Наши взгляды встретились. Он не улыбнулся. И я не испугалась. Охотник исчез там, где начиналась излуцина реки, за холмом.

Кем он был, этот юный индеец? Должно быть, сюда его привлекли птицы, залетевшие так далеко. Ведь их в этом краю никогда не видели. Подоив коров, я пошла домой через поля. Ветер гонял стаи черных мух, которых в это время года было очень много. Я была очень осторожна, чтобы не разлить молоко. Мы очень в нем нуждались, ибо дожди задерживали всходы саженцев. Дяденька с тетенькой тревожились. Наша жизнь зависела от таких малостей.

На следующий день лодка появилась опять, в то же самое время, и снова полная казарок, разложенных веером на дне. Мужчина с раскосыми глазами пристально смотрел прямо на меня. Я помахала ему рукой, и он кивнул мне в ответ. Встав прямо в хрупкой лодчонке, он уверенно греб, прекрасный в своем безмолвии. Не убирая ладоней с коровьего вымени, я смотрела, как он уплывает.

На третий день, когда я встала до зари, образ загадочного охотника, тихо скользившего по воде, и благородство его жестов еще занимали мое воображение. Он каждый день преследовал так добычу? Менял ли поля или, подобно фермеру, всегда обрабатывал один и тот же клочок земли? Эти вопросы занимали меня весь день, пока я помогала тетеньке печь хлеб, готовить еду, штопать одежду.

После ужина, вооружившись ведром, я пошла на пастбище, втайне надеясь встретить того, кто показался мне таким непохожим на всех, кого я знала до сих пор, и кого воспринимала как странного бродягу, занесенного сюда ветром. Я, конечно, была совсем молода. Окруженная заложниками собственной земли, я встретила того, кто был свободен. Так, значит, это было возможно.

Тем летним вечером, когда я пришла на пастбище, он ждал меня, присев на ограду, с терпеливостью человека, которому плевать на время, протекавшее мимо него. Ветер играл в его волосах, и оттого он казался робким ребенком. Да ведь мы оба такими тогда и были. Он смотрел, как я подхожу все ближе. И я заговорила первой.

– Привет.

Вместо ответа он просто кивнул, взгляд его был пристальный. А улыбаться он умеет?

– Как тебя зовут?

Мгновение он колебался.

– Томас Симеон.

У него был нежный и певучий голос.

– А меня Альманда Фортье.

Он снова кивнул. Чувство надежности и силы, исходившее от него, контрастировало со скромностью его манер. Как будто в нем одновременно уживались две личности.

– Ты на лодке приплыл?

– Сегодня нет.

Он подыскивал слова.

– Ветер...

– Ты пришел пешком от Пуэнт-Блэ?

Он кивнул: да.

– Ну и ну, столько отмахать.

– Да не так уж чтобы.

До Пуэнт-Блэ было больше десяти километров. Я и представить себе не могла, как пройти пешком такое расстояние. Но если ветер дует так, как в тот день, пускаться в путь по воде не отважится никто. Ему пришлось идти пешком, чтобы увидеть меня. Я решила, что это прекрасно.

Мы поговорили о том о сем, научившись понимать друг друга без особых усилий. Мне сразу приглянулась его природная обходительность. Томас объяснил мне: в тот день он поднялся по реке Ля Шас, потому что преследовал казарок.

– Любишь казарку?

Я никогда их не ела.

– Мой дядя не ходит на охоту. Он пашет землю. Это ведь хорошо?

Кажется, его это немного смутило.

– На вкус это как цыпленок?

Он пожал плечами, потом добавил:

– Никогда не ел цыпленка.

Мы оба расхохотались.

– Ты живешь в Пуэнт-Блэ?

– И да и нет.

Он покачал головой, видно, прикидывая, как ему получше выразить мысль на моем языке.

– В Пуэнт-Блэ мы проводим лето. И продаем там шкуры в магазин Гудзонова залива. А мой дом – там.

И он указал рукой на северо-восток.

– Ты живешь в озере?

Я рассмеялась, и он нахмурился. Я испугалась, что обидела его.

– Скверная шутка. Прости.

Эта натянутая струна, чувствовавшаяся за его робостью, волновала меня.

– Наш дом, – снова заговорил он, – на том берегу Пекуаками.

Пекуаками. Я еще никогда не слышала, чтобы так называли озеро Сен-Жан. И сразу же полюбила это имя.

– По ту сторону течет река Перибонка, а в верховьях – озеро с тем же именем. Там непроходимые перевалы, Опасные перевалы, Пасс-Данжерёз. Вот там мой дом.

Томас хоть и запинался, но пробудил в моем воображении целый неведомый мир. И образ этой неудержимо струящейся посреди густого леса реки заморозил меня.

Вечером, за ужином, я спросила дядю, что находится на том берегу озера Сен-Жан.

– Ничего. Нету там ничего. Только леса и мухи.

– А речку Перибонку знаешь?

– Никогда ее не видел. Но говорят, это река большая. Там, в ее верховьях, живут колонисты. Это далеко в тех землях.

– А Опасные перевалы? Про них ты что-нибудь слышал?

Дядя мгновенно поразмыслил, поглаживая седую бороду.

– Нет. Никогда о таком не слышал.

Когда я легла спать в тот вечер, моя голова была полна картин леса, уходящего вершинами в бесконечность, выше гор, и мне казалось, что до меня доносится рокот грозных водопадов.

* * *

На следующий день Томас причалил к берегу и привязал лодку. Неся в правой руке птицу, он поднялся на холм медленной и уверенной походкой. Он никогда не спешил

– Бери, *нишик*. Ты попробуешь и скажешь, нравится тебе это или нет.

Я вся загордилась. Мне еще никогда не преподносили подарков.

– Спасибо, Томас. Это и вправду любезно с твоей стороны. Тебе не стоило.

Он улыбнулся.

– *Нишик* в этом году запаздывает. Зима выдалась долгая.

Я рассматривала его черты, овальное лицо с высокими скулами, глаза как две параллельные щелочки, придававшие взгляду напряженность. Пухлая нижняя губа делала рот особенно

чувственным. Ростом он был выше меня. Широкие и крепкие плечи. Очень густые черные волосы, кожа гладкая и матовая.

– Ну а ты-то? Ты охотилась?

– Нет. Не знаю, смогла бы я убить животное.

– А мясо любишь?

– Конечно. Знаю. Это глупо получается.

– Я никогда не убиваю ради удовольствия. Всегда чтобы есть.

Он взял в руки казарку и пригладил взъерошенные перья.

– *Нишк* дает жизнь. Надо брать только то, в чем нуждаемся.

В этой мудрости, высказанной такими простыми словами, проявились доброта и великодушие Томаса.

Когда я вернулась, притащив громадную казарку, тетенька вытаращила глаза.

– Что это у тебя, Анда?

– Курица.

– Где ты это взяла, девочка моя?

– Поймала прямо в полете, руками схватила. Вот так.

И я сделала вид, будто подпрыгиваю, воздев руки к небесам. Тетя бросила на меня строгий взгляд.

– Мне ее дали.

Тут она грозно подбоченилась.

– Мне дал один индеец. Он тут пару раз проплывал на лодке мимо пастбища, возвращаясь с охоты.

– Какой-то индеец дал тебе эту казарку?!

Она повысила голос.

– Ну да. Тетенька, он такой милый. И у него таких полным-полно. А нам это разнообразит еду вместо сухарей.

Она взяла птицу, понесла на кухню и сразу же принялась ощипывать перья.

– Ты права, Анда. Твой дядя будет доволен. Казарка – это вкусно.

Мяса нам часто не хватало, особенно летом, когда его надо было засаливать в бочках для сохранности. Поэтому подарок Томаса пришелся как нельзя кстати. От него в нашей продывленной хижине сразу запахло праздником. Ни тетя, ни дядя больше не спросили меня о нем.

Все последующие дни Томас каждый вечер приходил на пастбище. Чаще всего приплывал на лодке, но иногда и пешком, если того требовали обстоятельства. Он рассказывал мне о своем крае, а я ему – о жизни в деревне и о школе, в которую он никогда не ходил. Он пытался учить меня словам своего языка, но я оказалась плохой ученицей, и его это очень смешило.

Его французский был ненамного лучше моего инну, однако он терпеливо объяснял мне мир, в котором жил. О переходе всей семьи к индейским землям на Перибонке, о зимнем лагере прямо в лесу, об установке силков и поездках на охоту на карибу на большую равнину Севера. Рассказывал про работу, необходимую для заготовки и хранения мяса и шкур животных. А еще о том, как все собирались вокруг костра и старики рассказывали легенды, которые развлекали и поучали молодых. Наконец, о том, как весной, когда таяли льды, они спускались к озеру и встречались с теми, кто, как и они, долгие месяцы прожил в лесах.

Большинство жителей Сен-Прима относились к индейцам как к низшим. Однако рассказы Томаса раскрывали мне жизнь с совсем иным отношением к земле, жизнь с широко открытыми горизонтами, и чем больше он говорил, тем сильнее я жаждала свежего воздуха.

– Я хотела бы увидеть речку Перибонку и ее горы, Томас.

– И ты бы не испугалась?

– Возможно, немного. Но в то же время...

– Я бы хотел, чтобы ты пришла, Альманда, на лодке, – сказал он, указывая вперед, – в мой дом.

Я всмотрелась в глаза человека, который просил меня пойти за ним на край света, и увидела в них речку, длинное озеро, а посреди всего этого – себя и его, молодого парня с широкими плечами и доверчивым взглядом.

Пуэнт-Блэ

– Альманда, ты сошла с ума?

Моя тетя была женщиной скромной и работающей. Я еще никогда не слышала, чтобы он так повышала голос.

– Не можешь ты выйти за индейца. Знаешь, какие они, индейцы? Надрываются там в лесу. А ты к такому не привыкла. Сплошное безрассудство, девочка моя.

Что верно, то верно: надо было иметь капельку безрассудства, чтобы уйти жить в леса с почти незнакомым человеком – хуже того, с дикарем.

– Я привыкну, а своему языку они меня научат. Да и посудите сами, тетенька. У нас тут тоже жизнь-то не сахарная. Вот уж две недели как мяса нет и приходится есть только гречневые лепешки. И потом, сами знаете, у меня совсем нет никакого приданого, которое можно предложить жениху, так что меня здесь ждет?

Нет сомнений – тетя боялась за меня, но меня уже ничто не могло заставить отказаться от своих намерений, и она быстро это поняла.

На следующей неделе дядюшка запряг лошадь в двуколку без верха, и мы втроем отправились в Пуэнт-Блэ. Но сначала он хотел проехать через Роберваль, чтобы купить там косилку. Дорога была живописной, и лошадка весело трусила вниз с холмов. Над озером встало солнце, теплый ветер ласкал мои щеки, и сердце билось все чаще по мере того, как мы удалялись от фермы.

Роберваль был маленьким захолустным местечком, но церковь с высоким жестяным шпилем, сиявшим в голубом небе, выглядела очень выразительно. На главной улице, вдоль деревянных тротуаров, выстроился ряд богатых домиков с выкрашенными красивыми оградками. Женщины в длинных платьях, сшитых из дорогих тканей, защищали кожу от прямых лучей солнца под зонтиками пастельных тонов. На мужчинах были темные костюмы и элегантные фетровые шляпы.

– И тебе бы надо такую примерить, дяденька.

Тетя залилась смехом. Дядя поглубже нахлобучил свою соломенную шляпу, пробурчав что-то в ответ, чего ни она, ни я не расслышали.

Магазин сельскохозяйственных товаров оказался большим зданием, в котором царил оживленная суета. Во дворе стояли аккуратно выставленные косилки и всевозможные земледельческие орудия любого размера. Дядя вылез из двуколки и сразу пошел в главное здание. Через несколько минут он вышел оттуда вместе с человеком в котелке, что, по мне, выглядело довольно странно для того, чьими клиентами были фермеры. Торговец помог ему выбрать то, что ему нужно, и аккуратно уложить приобретенный инструмент в заднюю часть нашей повозки.

Мы снова тронулись в путь на север, покотив по ухабистой дороге вдоль озера. Дома попадались все реже. Теперь мы ехали в сельской тишине. Через несколько километров дорога вывела к полосе пустых земель, полого спускавшихся к побережью. Ветер утих, и синева воды плавно слилась с синими небесами. Перед нашими глазами вырос небольшой городок, не похожий ни на один из тех, что я видела раньше.

Пусть даже Сен-Прим и был всего лишь небольшим поселком, здания в нем размещались по обе стороны главной улицы в строгом порядке. Здесь же стоял центральный магазин и несколько домиков, прижавшихся к церкви. Невдалеке виднелись фермы с боковыми постройками и заборами вокруг полей.

Центром раскинувшегося предо мной поселка была церковь, бывшая часовня миссии в Метабетшуане, та самая, которую лет за десять до этого святые отцы-пожертвователи перенесли, построив ее на замерзшей поверхности озера. Магазин. Небольшой квадратный домик с

покатой крышей, обнесенный белой оградкой, – здесь была торговая контора «Компании Гудзонова залива». Но не было ни улиц, ни перекрестков. Никаких элегантных прохожих, спешащих по деревянным тротуарам. Только палатки, поставленные прямо на песке, без видимого порядка, у самого озера.

Томас ждал нас у въезда в Пуэнт-Блё, присев на откос, поросший высокими травами. Он рывком поднялся и замахал нам рукой. Дяденька приподнял соломенную шляпу, тетенька кивнула, а я – заулыбалась ему. И еще тогда я заметила искорку у него в глазах. Ту самую, которую он сохранил до своего последнего вздоха.

– Пошли, – почти прошептал он, таким нежным и сладким голосом.

Мы сошли с повозки. По пути нас встречали холодными взглядами, и я чувствовала, что это напрягает мою тетю. Хотя позже я поняла: то, что показалось нам неприязнью, на самом деле было признаком робости инну перед людьми из чужого мира. Мы дошли до маленького лагеря, состоявшего из нескольких палаток, разбитых у подножия холма.

– Моя семья, – сказал Томас.

Клан Симеонов состоял из отца Малек, братьев Даниэля и Томаса, сестер Кристины и Марии. У каждого была своя палатка. Старшим в семье считался Томас, и это было очень заметно.

По-французски тут не говорил никто, кроме Томаса и Кристины. Разговор едва сводился к нескольким словам. Малек был маленького роста, с морщинистым лицом и узловатыми руками, а во взгляде его пробегала та самая искорка, какую унаследовал Томас. Мария и Кристина носили широкие юбки, расшитые цветастыми узорами, и рубашки в крупную клетку. Вокруг шеи у обеих были повязаны платки, поверх которых висел тяжелый металлический крест. Волосы были особым образом заплетены по обе стороны головы рядом косичек, поверх которых были надеты еще и красно-черные шапочки, украшенные стеклярусом.

Томас показал мне свою палатку. Внутри земля была выложена густым ковром свежей еловой хвои.

– Маловато места, – вырвалось у меня.

Кристина окинула меня быстрым взглядом, в котором я прочла смесь любопытства и недоверия. Оглядываясь назад, я понимаю, каким странным мог показаться мой поступок как моей семье, так и родным Томаса. Однако меня опьянили картины бескрайнего леса, простирающегося до самого горизонта, которые Томас породил в моем воображении. Я чувствовала уверенность в себе, к тому же не сомневалась в том, что никакого будущего в Сен-Приме у меня нет, ну или по крайней мере там ничего не изменится – и мысль об этом была для меня невыносима. Да ведь и впрямь нашей скромной фанерной хибарки давно уже нет. Дядя с тетей покоятся на маленьком деревенском кладбище, но коровы все еще пасутся на их бывших полях, и каждое утро и вечер кто-то выводит их и заводит обратно.

Какой могла бы быть моя жизнь, не случись так, что юный охотник с раскосыми глазами однажды проплыл мимо, следя за полетом казарок? р

Начало

Это не река. Вот Ля Шас, что змеей обвивает поросшие травами склоны, да. А Перибонка – это путь, прорытый великанами прямо в скале. Сама природа, неукротенная и пышная, распахнула передо мной горизонт.

Меня забавляло слушать эхо собственного голоса, теряющееся где-то высоко в горах. Томас поглядывал на меня с улыбкой, ни разу не нарушив ритмичные движения весел.

Он уже описал мне тот мир – и вот теперь я открывала его для себя, с любопытством осматриваясь по сторонам. Пряный аромат елей, глубокая синева речных вод, палящее солнце, свежий ветер с горных вершин, шелест каноэ, плывущего по воде.

После поездки в Пуэнт-Блэ мои дядя с тетей уже не возражали против нашего союза, пусть даже мне и было всего пятнадцать. В конце концов, ведь и Томасу не больше восемнадцати. Нас поженили простой церемонией в маленькой часовне Пуэнт-Блэ. На мне было белое платье, а он облачился в серый костюм, придававший ему сходство с нотариусом. Это был счастливый день.

Когда мы остались наедине, я почувствовала, как сильно забилося сердце у него в груди, и понимание того, что оно так разволновалось из-за меня, как будто опьянило меня. Он уложил меня на ковер из еловых игл, которыми была усыпана его палатка, и этот лесной аромат навсегда остался во мне как память о нем. Его губы на моей коже, его пальцы, осторожно гладившие мою нагую плоть, его крепкие объятия, лихорадочные и неловкие движения наших тел на фоне доносившегося до нас плеска волн, докатывавшихся до наших ног, чтобы там умереть, и баюкавших ночь.

Я заставила Томаса перевернуться и крепко сжала его бедра ногами. В его взгляде промелькнуло легкое беспокойство. Вот так же перевернулась и его жизнь. Но голова закружилась у нас обоих – ибо я не могла представить себе, чтобы мужчина отдавал себя с той же искренностью, на какую была готова я. Но в тот миг, когда все его существо вздрогнуло под моим телом, ничто не казалось мне более естественным.

Томас пообещал мне, что я никогда не останусь одна. Он сдержал слово – пусть даже иногда я и досаую на него за то, что он преподнес мне такой подарок, который потом у меня похитили. Он не мог знать, что придет день, и люди украдут у нас и лес, и все его речки. От всей сокровищницы, в которую он привез меня своими сильными руками, мне остается лишь Пекуаками. Каждое утро я прихожу на эту отмель белого песка, чтобы подумать об этом. Это позволяет мне сохранять в душе частичку живой памяти о Томасе.

Но тогда, в конце лета, мы готовились к зимовке в местах, которые были охотничьими для семьи Симеон. Что касается нашего первого восхождения вдвоем – он решил, что мы пустимся в путь через неделю после остальных и догоним их на перевалах. Так мы провели бы наш медовый месяц.

Путешествие и продлилось целый месяц. Обогнув северные границы Пекуаками, надо было дальше следовать по реке. Бывало, что стремнины приходилось преодолевать, толкая лодку длинными деревянными баграми. Но часто мы были вынуждены отступать, останавливаться, выволакивать скарб и носить его на своих спинах через лес.

По утрам мы снова спускали каноэ на воду и гребли целый день до самых сумерек – пока не наступало время ставить палатку на ночлег. Томас заранее знал, в каких местах надо будет разбивать лагерь, он изучил этот путь наизусть, и это восхищало меня – ведь, несмотря на юный возраст, он так много знал и умел. А мне понадобились годы, чтобы научиться бродить по лесу и не заблудиться.

Перибонка

В это первое путешествие мы взяли с собой только самое необходимое. Но все равно набралось много скарба. Лямки от сумок больно врезались в кожу, но если даже при подъеме на скалы мне не хватало такой уверенности в себе, которая была у Томаса, я никогда ни на что не жаловалась.

Одним из самых изнурительных испытаний для меня оказалось ходить целый день. Надо было карабкаться на гору, всю заросшую кустарниками, по тропке, проложенной целыми поколениями охотников. Я шла за размеренным шагом Томаса. Глаза щипало от пота, в рот набивалась соль, но я ни за что не попросила бы его взять на себя часть моей поклажи.

Еще опаснее был крутой спуск. Пришлось со всем весом багажа на спинах огибать обрывы над пропастью. У меня то и дело кружилась голова, а Томаса это забавляло – ему невозможно было объяснить такую иррациональную реакцию, ведь он вырос на этих тропинках.

Пеший переход продлился два дня – сплошная ходьба через горы и леса. Утром на третий день мы наконец смогли спустить каноэ на воду и быстро отплыли от стремнины, бурлившей меж двух отвесных скал. По мере нашего отдаления рокот ее бурных вод эхом затихал где-то вдалеке.

Прошло не больше получаса, и лес снова обрел тот странный покой, при котором время как будто останавливается. Мышцы мои болели, покрытые волдырями руки с трудом удерживали весло. И так мы гребли весь день, слушая безмолвие Нитассинана.

Вечером, когда мы разбили палатку для ночлега на вершине песчаного холма, Томас решил, что мы проведем здесь три дня.

«Мне нужно научить тебя охотиться, Альманда. Как настоящую женщину племени инну».

Тогда он в первый раз заговорил со мной как с женщиной инну. Может быть, в тот миг я ею и стала.

Винчестер

У дяденьки моего был карабин, но ни я, ни тетенька не имели права трогать его. В Сен-Приме огнестрельное оружие было уделом только мужчин. Совсем не так, как здесь. Томас показал мне, как зарядить ружье, как правильно упереть приклад в ложбинку на плече и прицеливаться, держа оба глаза открытыми.

Я начала тренироваться на побережье. Не прошло и часа, как я стала гораздо ловчее обращаться с оружием.

– У тебя зоркий глаз, Альманда.

Я перезарядила винчестер, прицелилась в камешек, который он положил на скалу, и выстрелила. Камешек разлетелся на мелкие кусочки, и я завопила от радости. Во взгляде Томаса промелькнул оттенок гордости.

– Ты уже можешь подстрелить куропатку. Их тут немало.

Мы тут же собрались на охоту и двинулись вдоль берега. Мы всячески старались сливаться с природой, и я пыталась подражать его медленным движениям, но чувствовала, как плохо это у меня получается. Томас продвигался вдоль ручья, его берег порос губчатым мхом, и по нему получалось идти бесшумно.

Мы шли вперед, не обменявшись ни словом, уже целый час, как вдруг что-то выскочило из кустарника, исступленно хлопая крыльями. Эхо раздавшегося выстрела еще звучало где-то далеко, а вмиг отяжелевшая птица уже камнем рухнула на влажную почву. Все это произошло за несколько секунд. Томас, повинаясь инстинкту, с ружьем наизготовку следил за траекторией полета. Оценив скорость перемещения, он бил точно в цель. Стоило на мгновение зазеваться – и куропатка улетала. Сразить птицу в полете – это казалось мне намного труднее, чем попасть в неподвижный предмет. Смогла бы я сделать что-нибудь подобное?

Мы вернулись к палатке, где я ощипала куропатку, этому я научилась, когда готовила кур на ферме. Затем Томас повесил ее жариться над огнем.

Мы прошли только треть расстояния до Опасных перевалов. Нам предстояли еще долгие недели пути, а я уже чувствовала себя изможденной. Медленно текли воды реки, очень широкой в этих местах. На другом берегу из кустарников показались мать-лосиха с детенышем, они подошли к воде напиться. Малыш, нервный и неуклюжий, быстро подбежал к воде и застыл. Мгновенье поколебавшись, посмотрев направо и налево, он наконец прыгнул, погрузил голову в воду, затем вынырнул и оросил себе спину белыми струями. Встревоженная мать стояла настороже, следя за окрестностями. Они рисковали, обнаруживая себя так явно.

Ветер дул в нашу сторону – и она нас не почувяла.

– *Муи*.

– *Муи?*

– *Муи*, – повторил он, показав на лосей.

Я снова произнесла это округлое слово, покатав его во рту, пока малыш по-прежнему скакал в воде, а мать с тревожным вниманием следила за его прыжками.

– *Муи*, – снова сказал Томас, – это вкусно.

– Не знаю, смогла бы я выстрелить в лося, Томас. Тем более что это мать с малышом.

Томас шумно выдохнул, воздев глаза к небесам, потом его взгляд снова остановился на лосях.

– Жертвуя своей жизнью, *муи* позволяет жить охотнику. Нужно быть ему благодарными. Уважать такую жертву.

Я пришла из того мира, где всерьез полагали, что сын человеческий, созданный по образу и подобию Божьему, царит на вершине жизненной пирамиды. Природу, дарованную ему, сле-

дует укрощать. Здесь я столкнулась с новым порядком вещей, где все живые существа были равными и где человек был ничуть не выше никого другого.

Мама-лосиха фыркнула, и малыш выскочил из реки. Кончилось время для игр. Оба животных осторожными шагами вернулись в безопасные кустарники. Снова мы остались наедине с Перибонкой. Наши легкие наполнил свежий сосновый воздух, а вокруг нас одновременно стучали тысячи сердец всех размеров и форм. р

Пилёу²

На следующий день мы снова охотились. На сей раз пошли к югу, к подножью горы. Томас убил куропатку. Немного погодя и я тоже попытала удачу. Крупная птица напала на нас, стараясь увести подальше от своего гнезда. Я вскинула ружье, надо было стрелять, но я заколебалась, и пуля пролетела мимо.

Вечером мы приготовили ужин и съели его на берегу, любуясь тем, как солнце садится за поседевшие вершины гор. В палатке, растянувшись на нашем ложе, я вспомнила, как на меня набросилась куропатка. Надо было выстрелить мгновенно, а я стала долго прицеливаться, вот и упустила время. Убаюканная спокойным дыханием Томаса, я снова прокручивала эту сцену перед внутренним взором. Когда я наконец заснула, куропатка все еще улетала прочь.

А следующее утро – уже третье на той стоянке, – мы снова попытали удачу на берегу маленькой речушки. Два дня отдыха позволили мне восстановить силы, и я чувствовала себя лучше. Мы продвигались, слыша то там то сям крики животных, но никого не видели – словно они разбегались от нас. Около трех часов мы прошли, не встретив кругом ни одной живой души. Томас не раскрывал рта, я тоже молчала, вслушиваясь в недовольный гомон окружающей природы.

Добравшись до небольшого водопада, мы перешли речку вброд по камням, поросшим мхом. Я старалась идти как можно тише, но, как ни пыталась, у меня не получалось перенимать медленную, как будто небрежную походку Томаса. Ноги соскальзывали с камней, ветви хлестали по лицу. Благодаря мне весь лес знал, что мы здесь.

Мы возвращались с охоты с пустыми сумками, и я чувствовала, что сама в этом виновата.

После пятичасовой вылазки мы подошли к стоянке, и тут вдруг между деревьев мелькнула куропатка. Уверенная, что опять промахнусь, я бросила быстрый взгляд на Томаса, но он даже не пошевелился. Тогда я прижала свой винчестер вплотную к щеке, прицелилась, мысленно очертив линию перед улетающей добычей, и нажала на спусковой крючок. Выстрел почти оглушил меня, а пуля сразила птицу прямо в полете.

Пульс мой резко участился, но я все еще стояла как будто парализованная, по-прежнему целясь из ружья туда, где за мгновение до того пролетала куропатка. Томас положил руку мне на плечо. Потом сходил и принес мой трофей – неплохую по размерам добычу, жирнее всех, кого нам удавалось добыть в предыдущие дни. Я почувствовала, как меня всю охватывает какая-то подростковая гордыня. Да что там говорить – ведь я и была тогда еще подростком.

Мы пришли на стоянку и приготовили дичь. На сей раз Томас ее сварил.

– Надо готовить по-разному, – объяснил он. – Здесь часто едят одно и то же.

Мне нравилась эта улыбка, освещавшая его лицо, часто бывавшее хмурым.

– Завтра двинемся. Впереди еще долгий путь.

Я спросила сама себя: сколько времени мы бы еще оставались на той стоянке, не убей я ту куропатку. Полагаю, столько, сколько было нужно.

Наши тела сплелись под пристальным взглядом луны, и эхо любовных криков еще долго звучало, теряясь между деревьями. Это желание внизу живота, потребность в его ласках, не ослабевало никогда. Даже сегодня, хотя я всего лишь немощная старуха, оно так же сильно живет во мне. Наедине только с Пекуаками, как сейчас, я закрываю глаза, вдыхаю северо-восточный ветер и снова чувствую его внутри. Этот огонь – все, что мне остается от него, скоро он угаснет вместе со мной – и это печалит меня.

---

² Это слово дается в тексте без перевода, в словаре (французский – инну) это слово означает «белая куропатка».

Опасные перевалы (пасс-данжерёз)

Каждый взмах весла уносил меня все дальше от прежней жизни и все явственнее приближал к жизни иной. Я, привыкшая болтать без умолку, училась слушать этот новый и древний мир и сливаться с ним.

Река Перибонка почти по прямой течет на север. Красные и желтые листья цветными пятнами ложатся на окружающую ее оправу из зелени. Когда температура становится ниже, вода мало-помалу приобретает оттенок глубокой синевы.

Если Томас видел, что я устала, мы на денек-другой останавливались. Я открывала для себя, как забрасывать сети, чтобы ловить рыбу, как переносить лодку, чтобы не пораниться, как бесшумно двигаться. Так, шаг за шагом, и тело и дух мои помаленьку приспособлялись к ежедневному движению кочевой жизни. Дни текли за днями, и даже представление о времени становилось смутным. Но с каждым утром свежий воздух щипал за щеки все сильнее, напоминая, что мы приближаемся к цели путешествия.

Опасные перевалы сперва стало слышно и только потом видно. Глухое эхо от их рева, доносящегося как будто из чрева земли, отражалось в горах и уносилось далеко в леса. Шум

становился все неистовее, и уже в нескольких метрах от спуска чувствовалось, что воздух и растительность напоены и увлажнены.

Понемногу сквозь дождливую морось проступили очертания чудовища. Дракон, рыча от ярости, бился о скалы, оставляя за собой устрашающий водоворот.

Целое озеро обрушивалось в пустоту, с грохотом, от которого леденела кровь.

– Это прекрасно, да?

Томасу пришлось это выкрикнуть.

– Не... не знаю. Скорее ужасно.

– Нужно бояться мощной силы реки и поклоняться ей.

Паника парализует, а страх побуждает к мудрости. И этому мне тоже предстояло научиться.

Томас направил лодку к берегу.

– Спать будем выше по течению, там, – сказал он, показывая на возвышавшуюся небольшую прогалину. – А завтра уже войдем в лес.

В его голосе послышался оттенок возбуждения. Мы уже добрались до земли семейства Симеон.

Это была последняя ночь только для нас двоих. На рассвете мы догнали остальную часть семьи. Несмотря на то, что я устала и переволновалась, грохот падающих вод не давал мне уснуть. Прогнать мои тревоги под силу было только его рукам, его крепким объятиям, его поцелуям.

Я легла на него, чтобы послушать, как сердца в наших телах бьются в такт. Обнимая, я гладила его крепкие мускулы, прижималась к его животу, сжав его бедра своими. Он жадно ласкал мои бедра и нежно целовал мои веки. Мы лежали, прижавшись друг к другу, в тепле нашего убежища. Потом он прошептал:

– Тшишатшитин.

Так впервые мужчина сказал мне: «Я люблю тебя».

Территория инну

Когда мы прибыли в зимний лагерь, мужчины уже ушли в лес, а женщины дубили шкуру оленя карибу. Палатки, поставленные в некотором отдалении друг от друга, выглядели как небольшая деревушка на вершине холма, нависавшего над озером.

Сестры Томаса, Кристина и Мария, встретили нас очень тепло. Мария заварила чай. Кристина, немного говорившая по-французски, подседа ко мне и принялась расспрашивать, как прошло путешествие.

Я, как могла, постаралась описать ей, какое ощущение свободы наполнило меня, когда мы спустились на воду нашу лодку. Моя золовка заметила, каким счастьем лучились и мое лицо, и взгляд ее брата. Любовь – то, что понятно всем, и неважно, на каком языке о ней говорят. Ее теплое чувство ко мне успокоило мои опасения чужачки, неожиданной гостьи в замкнутом и разветвленном клане. То, что и она, и все остальные приняли меня к себе с такой легкостью, доказывало, насколько открытой душой обладало семейство Симеон. Не могу даже представить, как отнеслись бы жители Сен-Прима, если бы мой длинноволосый Томас вдруг вторгся в жизнь деревни.

А он, пока мы разговаривали, принялся разбивать лагерь на зиму. Нарубил елок, топором очистив их стволы от зеленой хвои, а потом заточил вершины, чтобы превратить их в опорные столбы.

Когда мы закончили с чаепитием, Мария потянула меня за рукав и повлекла куда-то. Я оказалась вместе с ней и Кристиной у туши карибу. Сперва они кремнем сняли с нее шкуру и подвесили ее. Потом, вооружившись терпением и лосиным ребром, выскребли так, чтобы жир впитался в ткани. После чего растянули шкуру на раме из березовых стволов, чтобы высушить, и наконец, намазав ее всю бобровым салом, погрузили в кипяток.

Для дубления мои золовки развели огонь, в который набросали сырых корней и коры красных сосен, чтобы шкура прокоптилась и густой дым сделал бы ее непромокаемой.

Я наблюдала и училась. Сколько же шкур я потом так обработала за всю свою жизнь? Даже и не вспомню, но тогда, внимательно следя за неторопливыми и уверенными действиями сестер Симеон, я, как малое дитя, приобщалась к древнему умению.

Томас закончил возиться с палаткой уже на закате. Он поставил ее немного подальше от других, на склоне, спускавшемся прямо к озеру.

«Вид – лучше не бывает», – сказал он с улыбкой. Прямоугольный вигвам, достаточно высокий, чтобы внутри можно было стоять, казался немногим больше кухни моего детства. Устилавший пол ковер из свежей еловой хвои наполнял воздух благоуханием. В самом центре он установил очаг, предназначенный как для приготовления пищи, так и для обогрева. Но мне еще не хотелось думать о зиме – она и так была уже слишком близко.

Мы уснули в месте, которое на ближайшие месяцы станет нашим домом. Придет день, когда я буду учить здесь всему моих детей и беспокоиться за них, если слишком сильно задует северный ветер или снегопад начнет грозить занести нас и похоронить заживо. Но в тот вечер, в нашу первую ночь на Перибонке, для меня существовало лишь одно – мгновение, когда я сжимала в ладонях плоть своего мужчины.

На следующий день Томас сказал мне, что пойдет догонять отца и брата, которые ушли охотиться на север. У меня заныло сердце при мысли, что придется с ним расстаться, мне хотелось пойти с ним. Я всегда хотела идти следом за ним. Я бы и сегодня за ним... и как же тяжело мне сознавать, что его больше нет.

В то же утро он отправился пешком, с поклажей, по тропинке, тянувшейся до самой вершины гор. Погода уже была прохладной. В таком климате зима всегда где-то рядом и, кажется, вот-вот наступит.

Мария, Кристина и я закончили дубление шкур. Потом, когда Мария готовила обед, Кристина вынула свой карабин.

– Пойдем-ка поохотимся.

Я взяла свой винчестер с патронами и пошла за ней. Кристина передвигалась с той же неторопливостью, что и Томас. Обычно думают, что ходить – это как дышать: самое простое дело на свете. Достаточно всего-то переставлять ноги: сперва одну, потом другую. Но ходить по лесу – это требует немалой сноровки, ибо малейший шум способен испугать дичь. Со временем приходит опыт: где, когда и как поставить ногу, какой нужен ритм шагов. А в те времена, как я ни старалась сливаться с природой, моя неловкость распугивала всю живность, и это приводило меня в ярость. Раз уж я не в силах научиться такому простому делу – значит, и пользы от меня никакой не будет.

Золовка моя не проявляла ни малейшего нетерпения. Держась настороже, не снимая пальца со спускового крючка, переводя взгляд слева направо, она размеренно шла вперед все той же неторопливой походкой.

Мы вышли к озеру, на котором расположилась стая казарок. Подошли поближе. Когда птицы начали тревожиться и оживились, Кристина вскинула карабин. Я сделала так же. Она пальнула, а следом выстрелила и я. Огромная стая с шумом и гамом взлетела ввысь, и на мгновение образованный ею купол, бескрайний и великолепный, заслонил все небо. Я быстро перезарядила винчестер, но как только собралась снова нажать на спусковой крючок, Кристина положила руку на ствол.

– На сегодня хватит.

Казарки улетали все дальше, гомон стаи затихал вдалеке. Моя золовка зашла в воду и схватила трех плававших птиц за шеи.

– Две из них твои, – сказала она и улыбнулась. – Кто научил тебя целиться как настоящая инну?

Птицы истекали кровью, и по воде озера поплыли багровые пятна. Кристина положила добычу в сумку, вынула из кармана юбки трубку, набила ее, потом раскурила.

– Попробуй, хочешь?

Я вдохнула дым. Он заполнил все мои легкие, и я задохнулась. Плюнув на землю, я страшно закашлялась. Кристина расхохоталась – тоненьким, почти детским смехом.

В Сен-Приме курили исключительно мужчины. После ужина дядюшка всегда набивал трубку и спокойно усаживался в гостиной. Я никогда не видела, чтобы моя тетенька притрагивалась к табаку, и мне самой даже в голову такое прийти не могло.

– Ты все-таки еще не настоящая инну, Анда.

Она хотела было забрать у меня трубку, но я решила попробовать снова и затянулась. Когда рот наполнился вкусом табака, у меня выступили слезы. Я выпустила белое облачко дыма, и вернула трубку Кристине, которая ответила мне понимающим взглядом. На обратном пути я изо всех сил сдерживала рвоту.

В тот вечер я легла спать без Томаса. Где он был? Кого убил? Нашлось ли мне место в его мыслях – так же, как он ни на миг не покидал моих? Я так на это надеялась.

Силки

Мария и Кристина перекидывались фразами на своем языке инну-эймун, а мне едва удавалось понять хотя бы обрывки их разговоров. Слова так и роились в сознании, у меня складывалось впечатление, что девушки все время повторяют одно и то же, менялся только темп их речей. И все-таки мне нравился убаюкивающий, певучий ритм этого языка, который так трудно давался мне.

– Пока Мария пойдет немножко поохотиться, мы расставим силки.

Я выразила согласие кивком. Что думала Кристина о юной белокурой мечтательнице, разглядывавшей ее так пристально? Я не знала. Но никогда не читала в ее взгляде осуждения. Потрескивал огонь. Ветер раскачивал верхушки деревьев. Я крепче натянула на голову берет, закуталась до плеч в одеяло, сжала руками чашку, чтобы сохранить побольше тепла, подышала ароматом напитка. Издалека доносился гомон большой стаи казарок. Скоро зима придет на Опасные перевалы.

Еще несколько недель – и снег плотной пеленой покроет Перибонку, все вокруг будет сковано лютым морозом. Кристина понимала, что я не представляю, что меня ждет, но ей хватило деликатности ничего мне не говорить. Я должна буду всему научиться сама.

Мы пустились в путь – на север, до устья небольшой речушки, которая текла в долине, со всех сторон опоясанной высокими горами с побелевшими вершинами. Кристина вынула силки. Она растянула его и вскарабкалась на скалы. Вытянула руку, чтобы зацепить одним концом за мох, потом установила другой конец немного подальше, но тоже на густом ковре лишайников.

Мы возвращались лесом, шагая вдоль речки. Заходящее солнце понемногу зажигало небо, и Нитассинан наполнялся свежей ночной прохладой, пропитывавшей воздух запахами земли. Я всегда любила этот миг, когда свет и тьма словно становятся на «ты» – так близки друг другу, что время будто застывает.

Мы пошли быстрее. Я держала винчестер и прокладывала путь, стараясь уловить любой шорох в листве. Зашуршали перья – это торопливо улетала куропатка. Я вскинула оружие, прицелилась и выстрелила. Сбитая прямо в полете, она вдруг вся напряглась, захлопав крыльями, а потом с глухим звуком шлепнулась о скалу.

Я подобрала ее и протянула Кристине – та засунула ее на дно сумки, в которой мы носили силки. Мне хотелось кричать от гордости, но впереди был еще долгий путь, и мы двинулись дальше.

– Ай и повезло же мне. Даже не ожидала. Я просто выстрелила.

Кристина помедлила несколько секунд и только тогда ответила:

– Тут дело не в везении, Анда. Животное приносит в жертву свою жизнь. Оно само так решает. Не ты. И надо быть ему благодарным. Вот и все.

Слова сестры Томаса поразили меня в самое сердце, и гордость постепенно уступила место чувству вины. Я поблагодарила дух животного, чье безжизненное тельце покоилось на дне сумки Кристины. Я надеялась, что он может услышать меня.

Когда мы вернулись в лагерь, уже почти совсем стемнело. Мужчины пришли с охоты и, вдобавок к шкурам, принесли убитого ими лося – чтобы легче было нести, его тушу разрубили на куски. Мясной дымок уже вился над горящим очагом. Чуть подальше, тесно прижавшись друг к другу, спали собаки. Томас раскрыл мне объятия.

Мария занялась прожаркой лося, и воздух наполнился ароматом жареного мяса. В те годы их было еще не так много на Перибонке. Зато оленей карибу, наоборот, попадалось полным-полно. Никто не знает почему, но мало-помалу *муи* постепенно заменил *атук*, и сейчас этот последний практически исчез из наших краев, его можно найти только в Северной долине.

Мы поужинали все вместе вокруг костра: Томас, обе его сестры и брат, их отец Малек и я. Мужчины рассказывали о том, как прошла ходка, и я лихорадочно вслушивалась в их речи. Я решила быть в курсе всего, что происходило в лагере. И сама хотела пойти на Север, поохотиться, расставить силки и поглядеть на эти далекие земли. Малек с сыновьями принесли много бобровых и норковых шкур. Год начинался хорошо.

После трапезы мы с Томасом уединились в нашей палатке. Мне так не хватало соленого вкуса его кожи. Как и его нежности, и его крепких объятий.

Мы поднялись с первыми лучами солнца. Густой туман, повисший на верхушках деревьев, придавал долине таинственный вид. Но у нас почти не было времени об этом думать. Пришла пора заняться лосем, закончить с копчением мяса и дублинием шкуры. Обе сестры уже всюду трудились. Кристина попросила меня сходить посмотреть силки, расставленные на куницу.

– Если попалась, ты вынешь ее и снова расставишь силки. Помнишь, как это делается?

Я не была в этом уверена, но все же кивнула: да.

– Не забудь укрепить их во мхах. Куница зверь слишком умный. Она не станет выходить из воды на скалы, оставив следы.

Я снова согласилась и отправилась в путь, захватив карабин и перекинув сумку через плечо. И снова прошла той дорогой, какой мы ходили накануне, до самого озера. Туман рассеялся, и теперь солнце светило по-осеннему мягко. Свежий воздух придавал мне сил и бодрости. Я впервые вышла в лес одна.

Мне оказалось нетрудно переставить силки. В них попались две куницы – ветер играл их прекрасным лощеным мехом. Я вытащила их, потом вернула все на место, как меня научила Кристина, и двинулась обратно, пристально всматриваясь в листву деревьев. Ни один зверь больше не встретился мне по дороге. Еды мы запасли вполне достаточно.

В лагере вычищенная лосиная шкура теперь висела в сушильне. Малек нарезал полосок из древесной коры – из них предстояло сделать снегоступы. Оба его сына рубили дрова – надо было обильно запастись ими на зиму. Все вкалывали что было сил, и у каждого была своя задача. Я еще не была уверена, что верно поняла свою, и тогда начала заниматься куницами, стараясь как могла.

Немного погодя ко мне подошла Кристина. Она принялась сдирать с одного из зверьков драгоценный мех с ловкостью человека, который занимался этим долгие годы. Сосредоточившись на своем деле, я не заметила, как прошло время. Когда мы закончили, пора было растянуть все свежие меха, а потом развесить и их в сушильне. Кристина улыбнулась, подбадривая меня.

Мария приготовила ужин. Мы поели на свежем осеннем воздухе, среди застывшего леса. В небе вошла луна, озарив наш лагерь голубоватым светом.

После трапезы Малек принялся рассказывать истории из своей молодости. Они описывали прошлое семьи и всех инну из Пекуаками. Я понимала не все слова, просто отдалась убаюкивавшему меня ритму речей старейшины. В его мягком и слабом голосе слышались сила и сноровистость целых поколений, передавших все свои знания и умения так же, как члены этой семьи стремились во всем помогать мне освоить их. Я была частью этого клана, сплотившегося у огня под луной, отраженной в водах озера. Наши набитые животы, как и развешанные для сушки шкуры и меха, свидетельствовали о долгом и тяжелом дне, наполненном тяжким трудом.

Потрескивал огонь костра. Кристина что-то вложила мне в руку. Я посмотрела – это был табак. Она передала мне и трубку – я набила ее, закурила с помощью подожженной сухой ветки и затянулась. Малек сказал мне что-то успокаивающее. Я глубже натянула берет и прикорнула на плече Томаса.

И сегодня ничто так не утешает меня, как просьбы рассказать эти истории, когда все расселись вокруг костра. Тогда я чувствую внутри такую же свободу, какую пробудили во мне в тот вечер рассказы Малека. Есть что-то, что меняется. А кое-что остается неизменным. И хорошо, что это так.

Колючки

Когда я открыла глаза, Томас уже ушел. День едва началась, и в лагере царил полная тишина. В воздухе плыло еловое благоухание. Вот чего мне больше всего не хватало ночами под крышей нашей палатки – этого запаха, свежего и пряного.

Когда ветки, из которых сложен шалаш, начинают подсыхать, их нужно заменять, но при этом никогда не используйте ель. Однажды я уже совершила такую ошибку. Собрала целый ворох веток и, подражая Томасу, уже собралась укладывать их крест-накрест, чтобы получилась компактная и крепкая кладка. Но колючки только исцарапали мне все руки и колени.

Мария посмеивалась надо мной, наблюдая издали. Мое замешательство все возрастало, и, поскольку у меня ничего не выходило, она наконец подошла ко мне и положила рядом две ветки – пихты и ели. Если их сравнить, становится видно: у елки иголки топорщатся вверх, тогда как у пихты они гладкие и ровные. Первые могут поранить, а вот вторые на ощупь мягкие и шелковистые. Я была не в силах сдержаться и заплакала – ведь я вела себя так глупо и неловко.

Мария слегка похлопала меня по плечу и принялась вынимать из кладки шалаша еловые ветви, заменяя их на пихтовые. Она обламывала концы ветвей, ловко рассовывая их в получившиеся прогалы, и каждая обретала свое место, будто в головоломке, так что в результате сам собой выткался густой ковер зелени. В ее манере держать себя со мной не было ни капельки осуждения. Я сдержала слезы и вернулась к работе вместе с ней.

С тех пор мне уже не нужна была ее помощь. И еще я поняла: скучать и бездельничать – это такая роскошь, которой в лесах не может себе позволить никто.

Я сделала большой вдох ароматного воздуха и наконец поднялась. Обе золовки уже развели огонь и грелись возле него, прихлебывая горячий чай, чтобы отогнать утреннюю прохладу. На их янтарной коже поблескивали отражения языков пламени. Лица сестер, с правильными чертами, лучились здоровьем и силой, у обеих был одинаковый пронзительный взгляд.

Я налила себе чая, окончательно меня разбудившего, пожевала немного вяленого мяса. Ненадолго мы замерли, слушая, как оживает лес. А потом приступили к работе. Оставалось еще подкоптить мясо. И заняться всем остальным – шкурой, костями, мехом.

Инну-эймун

Мужчины еще не вернулись с охоты, и мы каждый вечер ели в палатке Марии. А после трапезы оставались там немного покурить. Золовки разговаривали меж собою, а для меня их речь по-прежнему оставалась такой же непонятной песней, хотя иногда я выхватывала в ней какое-нибудь словечко или выражение. Язык воздвиг вокруг меня стену – и чтобы ее преодолеть, мне требовалось время.

Язык инну-эймун не дается легко и сразу. В нем насчитывается восемь согласных, семь гласных и пятнадцать звуков, различающихся только по интонации – она может изменить смысл слова чуть-чуть или очень значительно. Письменности не существует, соответственно, нет и лингвистов, способных проанализировать ее смысл. Нет разделения на мужской и женский род. Есть предметы одушевленные и неодушевленные. Поначалу я все время путалась, и сколько бы усилий ни прикладывала, у меня ничего не получалось. Потом я наконец поняла – дело не в том, что это другой язык: нет, это иной, отличающийся от французского принцип общения. Это форма речи, приспособленная к миру, в котором жизненные ритмы обусловлены охотой и сменой времен года. Порядок слов там совсем не так важен, как во французском языке, и может различаться в зависимости от обстоятельств.

Кун – «снег» – может быть «ушашуш», если хотят сказать «густой снегопад», «некауакун» – если речь о снежной крупе, или «кассауан» – если под ногами сырая, тающая снежная слякоть.

Сегодня этот язык находится под угрозой, ведь чтобы выучить его, в нем нужно практиковаться в местах обитания. В наши дни молодежь предпочитает ему французский, которому ее учат в школах. Эти юноши и девушки вырастают слепцами, не желающими знать собственного прошлого, сиротами без корней. Но кого сейчас все это волнует? Кроме старых развалин вроде меня, для кого прошлое – единственное оставшееся сокровище?

* * *

Тяжелые снежные хлопья падали с неба медленно, как будто не решаясь. Зима подступала маленькими неслышными шагами... Перед лицом этой чистой и неукрошенной природы я чувствовала себя совсем крошечной, но при этом во мне все больше крепло чувство, что я обрела свое собственное место в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.